

УДК 821.512.31

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-68-73

**МИФОЛОГИЧЕСКОЕ В РОМАНЕ В. БАРАЕВА
«УЛИГЕР О ДЕТСТВЕ»**© *Хандарова Ольга Владимировна*

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: olga.khandarova@gmail.com

В статье выявляется соотношение мифологических элементов — прамифологема, «вторичная мифология», современный миф — в художественном пространстве романа В. Бараева «Улигер о детстве». Установлено, что миф используется и в качестве этнографического материала, и как форма осмысления действительности; носителями мифологического мышления могут выступать как сам рассказчик, так и его персонажи. Показано, что мифологизм составляет неотъемлемую часть мироощущения автора-художника, воплощающего в романе представления о происхождении народа, его истории, об образе прошлого и будущего. Использование мифологической образности позволяет автору структурировать факты национальной истории и организовывать «хаос» современной действительности.

Ключевые слова: миф; бурятская литература; В. Бараев; мифологическое мышление; мифологическое сознание; неомифологизм.

В современной бурятской литературе актуальны мифотворческие тенденции, их активизацию можно расценивать как новый этап влияния мифологических структур на художественный мир национальной литературы. В то же время актуальным представляется анализ различных способов художественно-философского обобщения действительности в современном бурятском романе. Мифологические традиции выступают проводником для обращения к национальным архетипам, в свою очередь миф создает модель мира, в которой через образы явлено понимание законов бытия автором.

Для современного бурятского романа характерна двуплановость социально-критических и фольклорно-мифологических мотивов. Одним из таких произведений является роман Владимира Бараева «Улигер о детстве» (2014), в котором органично синтезируется реально-достоверное и мифологическое. В настоящей статье выделим мифологическую составляющую романа и определим ее роль в художественной системе произведения.

Мифологическое в романе проявлено весьма широко, в ткань произведения вплетены разные по времени возникновения и различные по содержанию мифологические элементы — от прамифологема до неомифа; миф используется и в качестве этнографического материала, и как форма осмысле-

ния действительности; носителями мифологического мышления могут выступать и сам рассказчик, и его персонажи.

На страницах романа можно встретить множество архаических мифов в форме легенд, преданий, поверий. Такова, например, легенда об омуле: «Однажды на Селенге произошла битва с меркитами. Они победили монголов, сбросили трупы в реку. Через год к этому месту с Байкала поднялись косяки рыб, и монголы сказали, что их погибшие воины превратились в омулей. С тех пор монголы прекратили ловить и есть эту рыбу [1, с. 83]. Также приводятся тотемные мифы о небесной Лебеди, налуме, орле — предках бурят; легенда о происхождении созвездия Семи старцев (Большая Медведица) [1, с. 339]; поверье о том, что удад приносит несчастье [1, с. 281]. При этом нужно отметить, что подобные мифы не всегда являются лишь этнографическим материалом, порой они свидетельствуют о мифологичности мышления не только персонажей, но и рассказчика. Поверье об удаде сообщает герою его бабушка — узнав в убитой птице удада, она говорит: «Это птица эвэлж. Приносит несчастье. В тридцать седьмом году она села на крышу нашего дома. Но ты убил ее, и будешь счастливым, проживешь долго! [1, с. 281]. И автор отмечает: предсказание бабушки сбылось. Бабушка героя верит поверью безусловно, но и рассказчик отчасти признает его законность.

Многие события в романе получают объяснение, являющееся результатом мифомышления. Рассказывая о погибшей в младенчестве сестренке в годы войны, рассказчик предполагает, что это был своеобразный обряд принесения себя в жертву для спасения остальной семьи. «Позже кто-то из родичей сказал, что Света принесла себя в жертву, чтобы умиловить духов-предков и защитить всю семью. В старину у бурят был обряд долё, когда кто-то приносил себя в жертву ради спасения близких. И мне кажется, что Света чуть ли не сознательно ушла из жизни, чтобы спасти нас» [1, с. 48]. Это же объяснение повторяется позже в описании родословной, где звучит уже более определенно: «Фактически Света совершила бурятский обряд замещения — принесла себя в жертву и тем спасла семью» [1, с. 482].

Упомянув о сумасшествии, постигшем дочь А. В. Кудрявцева — первого секретаря Бурятского обкома (1943–1951), печально известного своей деятельностью по разоблачению «буржуазных националистов», кампанией против «Гэсэриады», — автор приводит слова одного из персонажей своей книги — писателя Николая Зугеева: «Духи наших предков не простили злодеяний Кудрявцева в Бурятии» [1, с. 236].

Шаманистский миф объясняет необычайную плодородность почвы в местности недалеко от санатория, где проходило детство героя: «Особняком стояли три участка, у Селенги, на краю обрыва перед горячими источниками. Высокая трава росла здесь в трех кругах на пригорке». Чернозем, выкопанный из-под этих кругов и перенесенный в теплицы по указанию отца — директора санатория, способствовал раннему и богатому урожаю. Отец героя рассказывает: «...круги появились на месте шаманских юрт... юрты и люди, живущие в них, притягивают солнечную энергию, которая образует

пласты чернозема» [1, с. 345], — но от дальнейших расспросов о шаманской земле уклоняется, как и всегда, когда заходит речь о шаманских корнях или помощи шаманов.

Отдельного упоминания стоят сны героя, в которых он видит духов погибших людей, с которыми был знаком. В главе о «селенгинских русалках» [1, с. 331], рассказчик встречает во сне утонувшую актрису Зарему, чья трагическая история рассказывается ранее. Дух Заремы собирает вокруг себя в хороводе души других утопленниц и на нечаянное восклицание узнавшего их рассказчика поверяет ему подробности их посмертного существования. Эту «подсказку» Заремы автор позже использует при написании главы о вдове Чингисхана в книге «Гонец Чингисхана». Позже рассказчик, которому не дают покоя слова Заремы, предупреждавшей ни в коем случае не пытаться попасть в место зимовья духов, с целью испытать себя отправляется переночевать на Горе заката, о которой идет дурная слава. В главе «Духи черной пещеры» он рассказывает о ночи, проведенной на этой горе, об увиденных им душах знакомых самоубийц, сидевших у костра с синим пламенем, говоривших словно «сплюсненными» голосами и под утро заново испытывавших муки боли от причиненных себе страданий. То, что герой сумел пережить эту ночь и остаться живым, он объясняет покровительством одного из духов, благодарного за оказанную однажды помощь перед экзаменом.

В книге есть примеры мифологического мышления, которое выступает как прямой императив к выполнению магических действий. Таков, например, обряд принесения жертвы духам, которых можно потревожить, если коснуться определенных тем — особенно в письменном виде. Чтобы написать главы о шаманской земле (о трех кругах на пригорке) и об Улей-олон (легенда о духе красавицы, не желавшей быть насильно выданной замуж, и ее подружках, добровольно ушедших вместе с ней), автор проводит обряд, брызгая водкой и молоком из восточного окна в своей квартире в Москве [1, с. 250, 348]. Перед написанием книги «Гонец Чингисхана» В. Бараев проводит молебен на родине Тэмуджина. Несоблюдение подобных правил чревато опасными последствиями: в главе об Улей-олон автор сообщает, что прозаик Михаил Осодоев, написавший о них, вскоре умер — духи наказывают вмешивающихся.

В моменты смертельной опасности рассказчик слышит предупреждение — жужжание, напоминающее звон ос — «зуммер» [1, с. 350]. Моменты везения, когда «зуммер» помог избежать смерти, выстраиваются в цепочку мифологической предопределенности, согласно которой героя хранят духи предков-шаманов и главная покровительница — сильная шаманка Онидон. Таким образом в романе поднимается проблема взаимодействия «исторической случайности» и «мифологической закономерности» [2, с. 84].

Безусловно, в романе есть место и для современных мифов. Так, вставленные без редактуры записи дневника школьных лет показывают примеры того, каким из мифов советского общества оказывается подвержен юный Владимир Бараев. Зимой 1950 г. семнадцатилетний герой идет по ночным улицам, возвращаясь с профориентационного вечера, любуется своим горо-

дом, и романтическое признание в любви городу плавно переходит в декламацию о будущем торжестве коммунизма: «До чего же тих и уютен наш город. ... Окна домов гаснут одно за другим. Лишь кое-где кто-то вроде меня продолжает писать. А полная луна, словно молочный круглый абажур заливает город. Скоро 2000-й год. И это грядущее новое тысячелетие будет озаменовано построением коммунистического общества. Во всем мире будет одна власть — Всемирный Союз Советских Социалистических, а, может, и Коммунистических республик. Я, конечно, доживу до той поры. А пока, сколько есть сил и способностей, надо приложить на приближение новой эпохи. И для того хорошо окончить школу» [1, с. 383].

Подобным образом сталинский миф «логично» завершает разговор о выборе места учебы. Отец героя говорит о том, что нужно получить медаль, при этом условии он пошлет сына в Московский университет: от места учебы зависит будущее, а в Москве «одна среда чего стоит». Эти слова рожают следующий отклик в дневнике: «Согласен. Там Кремль, мавзолей, Красная площадь и Сталин, величайший вождь народов, продолжатель дела Ленина, путеводная звезда всего человечества, всех народов земного шара» [1, с. 339].

Примерно в таком же ключе происходит рассуждение о выборе факультета: «Решил поступать на исторический или философский. Чтобы после окончания читать в институте лекции, да такие хорошие, чтобы они помогали строить коммунизм. А одновременно преподавать историю в школе» [1, с. 409]. Нужно отметить, что это размышления живого, разнообразно одаренного юноши с богатой фантазией, который способен, например, составить концерт классической музыки для того, чтобы отправить его на радио. Однако трансляция советского мифа заставляет прибегать его к клишированным высказываниям.

Примером современного мифа в романе также являются представления об НЛО, о существовании которого говорится без каких-либо сомнений: «График полетов НЛО непонятен. Они летают в любое время суток. Позже их могли сделать невидимыми, из-за чего их стали видеть реже» [1, с. 449]. Доказательством служат в том числе и типичные истории исчезновения людей, которые могут объясняться похищениями инопланетян. Однако разговор об НЛО заходит не случайно, автор производит контаминацию разных мифов и создает индивидуальный миф, связывая повышенный интерес НЛО к озеру Байкал и его окрестностям с поисками мифологических пещер времени: «Вдруг в этих пещерах, как в хронокапсулах, таятся тайны, уходящие в глубь времен?» В них могут храниться такие тайны, от которых «вздрагнет все человечество». Такой же хронокапсулой предлагается считать мифологическую Книгу судеб, о которой говорится в эпосе «Гэсэр» и бурятских улигерах. Автор предполагает, что предками монголов могли быть шумеры и что мифологическая Желтая книга судеб может действительно существовать, при этом являясь буддийским аналогом Библии, Корана, Торы. А поскольку Бог один (Будда, Христос, Магомет — это его посланники), в Книге судеб, предстоящее открытие которой предрекает автор, могут храниться «тайны будущего» всего человечества.

В книге есть и другие индивидуальные мифы, таковыми можно считать рассуждения о происхождении чеховских высказываний: «Вспоминаю странные строки Чехова: “Если великий русский язык сотрет с лица земли бурятский или чухонский язык, будет ли от этого порча последних?”. Позже он развил эту мысль: “Быть может, мы выведем лучшую человеческую породу”». Автор предлагает объяснение, согласно которому писатель имел в виду именно участие бурят и чухонцев в «выведении лучшей породы» [1, с. 142]. Похожим — эклектичным образом строится предположение, что фраза одного из героев «Дуэли» — «все зло от немцев», могла быть навеяна характером двух немцев — спутников Чехова в путешествии по Сибири: «Видимо, они надоели своей педантичностью» [1, с. 144].

Весьма интересно предположение о возможной связи повести Н. В. Гоголя «Вий» с монгольской легендой о сээгнудах — кустоглазах: «Говорят, они появились от цасан-хуна — снежного человека, который ловил женщин, и от него рождались пушистые младенцы. Вырастая, они покрывались шерстью, и у них вырастали длинные ресницы и брови. В XIII веке монголы дошли до Днепра. О кустоглазах мог услышать Гоголь...» [1, с. 292].

Итак, роман В. Бараева насыщен мифологическими образами, которые выстраиваются в концептуальную картину мира. В романе выявлены все виды мифологических элементов: прамифологемы, «вторичная мифология», современный миф, показано их соотношение в художественном пространстве произведения.

Особенности художественного моделирования действительности в романе «Улигер о детстве» свидетельствуют о том, что мифологизм составляет неотъемлемую часть мироощущения автора-художника, воплощающего представления о происхождении народа, его истории, об образе прошлого и будущего. Использование мифологической образности позволяет автору структурировать факты национальной истории и организовывать «хаос» современной действительности, в то же время поэтика мифологизирования становится приемом акцентуации определенных ситуаций и коллизий. Мифосознание выступает в роли организующего начала художественного мира романа.

Литература

1. Бараев В. Улигер о детстве. М., 2014. 516 с.
2. Бондарев А. П. Историзация мифа и мифологизация истории // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2016. № 10 (749). С. 79–100.

MYTHOLOGICAL IN “ULIGER ON CHILDHOOD”
NOVEL BY VLADIMIR BARAYEV

Olga V. Khandarova

Cand. Sci. (Phil.), Senior Researcher

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article reveals the relationship of mythological elements - mythology, «secondary mythology», the modern myth - in the artistic space of the «Uliger On Childhood» novel by Vladimir Barayev. It has been established that the myth in the novel is used both as an ethnographic material and as a form of comprehension of reality; the narrator himself and his characters can act as bearers of mythological thinking. It is shown that the mythologism is an integral part of the author's attitude, embodying ideas about the origin of the people, their history, the image of the past and the future. The use of mythological imagery allows V. Baraev to structure the facts of national history and organize the “chaos” of modern reality.

Keywords: myth; Buryat literature; V. Baraev; mythological thinking; mythological consciousness; neomythologism.